

Дзюбенко Анна Игоревна, Зюбина Ирина Анатольевна

О ВЗАИМОСВЯЗИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО И ЮРИДИЧЕСКОГО ДИСКУРСОВ: СТИЛИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ (НА МАТЕРИАЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ДЖ. АРЧЕРА "THE PRISONER OF BIRTH", "TRIAL AND ERROR")

В статье представляется анализ интеракции двух видов дискурса - художественного и юридического - на примере произведений современного британского писателя Джеффри Арчера и описываются их корреляционные особенности. Авторами устанавливаются точки взаимодействия данных видов дискурса, в роли которых выступают стилистические приемы лексического и синтаксического уровня языка, что обуславливает эмотивную трансформацию регламентированного и эмоционально сдержанного юридического дискурса в маркированный по данному признаку феномен.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2016/11-2/19.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2016. № 11(65): в 3-х ч. Ч. 2. С. 69-72. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2016/11-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

3. Руднев В. П. Прочь от реальности: исследования по философии текста. М.: Аграф, 2000. 432 с.
4. Тураева З. Я. Категория времени: время грамматическое и время художественное (на материале английского языка). М.: Книжный дом «Либроком», 2009. 216 с.
5. Bowen M. The Accident // Mignani A. The Splintering Frame. Genoa: Black Cat, 1998. P. 7-8.

ON SPACE AND TIME ORGANIZATION IN THE ENGLISH SMALL FORM LITERARY TEXT

Dzyubenko Anna Igorevna, Ph. D. in Philology, Associate Professor
Southern Federal University
dzyubenkoanna@gmail.com

The article describes the specifics of space and time organization in the story by M. Bowen "The Accident". The author examines the individual stylistic peculiarities when creating spatial and temporal coordinates in the text with the extremely compressed structure. The writer's choice of linguistic means and the diversity of their linguistic arrangement contribute to the description of artistic time and space from the different viewpoints – in the aspect of creating statics and dynamics, spatially restricted and unrestricted localization, cutting the temporal paradigm to the size of binominal.

Key words and phrases: author's worldview; textual category; semantic structure; spatial and temporal localization; metaphor; epithet; gradation.

УДК 8

В статье представляется анализ интеракции двух видов дискурса – художественного и юридического – на примере произведений современного британского писателя Джеффри Арчера и описываются их корреляционные особенности. Авторами устанавливаются точки взаимодействия данных видов дискурса, в роли которых выступают стилистические приемы лексического и синтаксического уровня языка, что обуславливает эмотивную трансформацию регламентированного и эмоционально сдержанного юридического дискурса в маркированный по данному признаку феномен.

Ключевые слова и фразы: дискурс; концептологическое и стилистическое своеобразие; интертекстуальность; перлокутивный эффект; адресант; эмотивность; метафора; эпитет; синкопирование синтаксической структуры.

Дзюбенко Анна Игоревна, к. филол. н., доцент
Зюбина Ирина Анатольевна, к. филол. н., доцент
Южный федеральный университет
dzyubenkoanna@gmail.com; irinazyubina@gmail.com

О ВЗАИМОСВЯЗИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО И ЮРИДИЧЕСКОГО ДИСКУРСОВ: СТИЛИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ (НА МАТЕРИАЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ДЖ. АРЧЕРА "THE PRISONER OF BIRTH", "TRIAL AND ERROR")

Юридический дискурс, являясь одной из наиболее строгих в стилистическом плане форм репрезентации информации (наряду с дискурсом экономическим, медицинским, математическим), получает довольно неожиданное отражение, будучи включенным в дискурс художественный, формируя комплексную, сложную, многомерную стилистически-содержательную структуру «дискурса в дискурсе». Данный процесс интерференции и интеракции двух самостоятельных, отличающихся ярким концептологическим и стилистическим своеобразием видов дискурса выступает доказательством поступательного развития и непрерывной эволюции теории интертекстуальности, распространения влияния прагмалингвистической теории, что способствует выявлению корпуса речевых действий, осуществляемых говорящим, и установлению объема и содержания стилистических средств, применяемых для оказания влияния на адресата (читателя), что в итоге приводит к достижению успешного перлокутивного эффекта действий первого.

Юридический дискурс является одной из разновидностей институционального дискурса, который реализуется в определенных социальных институтах группой лиц, объединенных единством выполняемых задач и номенклатурных функций. Представители данных профессиональных сообществ прибегают к использованию определенных типов или жанров дискурса, что делает возможным достижение ими поставленных коммуникативных задач и реализацию прагматических установок [4, с. 63].

Цель исследования состоит в описании процесса взаимодействия двух различных, концептологически нетождественных видов дискурса, что предопределило задачи установления и интерпретации спектра стилистических приемов, выступающих связующими элементами данных феноменов в процессе их взаимного проникновения, а также задачу определения степени частотности использования данных средств языка различными участниками судебного процесса, что свидетельствует о трансформации эмотивно сдержанного юридического дискурса в маркированное по данному признаку явление.

В целом, являясь многозначным понятием, дискурс исследуется как в лингвистике, так и в философии, истории, психологии, прагма- и юрислингвистике. В связи с этим существует несколько подходов к интерпретации данного феномена, которые имеют одно интегративное свойство – интерпретацию понятия «дискурс» в аспекте отождествления с диалогом, с коммуникацией, с интерактивным взаимодействием говорящего и слушающего. Под дискурсом, как правило, понимается язык в «многомерном пространстве», «погруженный в жизнь», контекст, или ситуация общения; язык, организованный в соответствии со структурами, присущими высказываниям в различных сферах социальной жизни [1, с. 136-137; 3, с. 5-10; 5, с. 29; 7, с. 341; 8, с. 15]. Э. Бенвенист принимал текст за систему знаков, в то время как дискурс – за общение, как способ выражения языковых знаков [11, р. 129-130]. В. Г. Борботько различает процесс реализации языковой системы – дискурс и результат этого процесса – текст [2, с. 32]. Дискурс вписывается в коммуникативную ситуацию и рассматривается как живая речь. М. Л. Макаров считает, что дискурс является базой для коммуникативного акта, так как он задает его условия и делает диалоговую ситуацию ожидаемой, что облегчает процесс общения [6, с. 89-91]. Таким образом, дискурс понимается как определенное коммуникативное событие, фиксируемое в письменных текстах и устной речи, осуществляемое в когнитивно и типологически обусловленном коммуникативном пространстве, а также как совокупность тематически соотнесенных текстов: тексты, объединяемые в дискурс, обращены, так или иначе, к одной общей теме, что позволяет дискурсу раскрывать свое содержание интертекстуально, в комплексном взаимодействии многих отдельных текстов.

Проведенный анализ выявил высоко адаптивные свойства фрагментов юридического дискурса, проявляющиеся в процессе их включения в структуру дискурса художественного, что актуализирует влияние содержательных и структурных элементов последнего на дискурс юридический: он развивает характеристики, свойственные дискурсу художественных произведений в способности оперировать стилистическими тропами и фигурами, функционирующими на различных языковых уровнях (от фонетического до синтаксического). Вследствие этого эпитеты, метафоры, разнообразные осложнения синтаксической структуры обнаруживают себя в рамках отрезков юридического дискурса, погруженного в дискурс художественный.

Юридический дискурс играет важную, а иногда и жизненно важную роль в разрешении споров, возникающих между представителями коммуникативного сообщества. В этой связи наиболее интересно с исследовательской точки зрения выявить и описать механизмы художественного отражения юридических разбирательств и процедуры раскрытия преступления, начиная с описания самого процесса расследования, установления личности преступника, поиска доказательств невиновности других участников судебного процесса и заканчивая сбором доказательств виновности установленного следствием преступника. Художественный дискурс, по своей сути, – дискурс одновременно и рациональный (констатирующий смену фабульных событий и сюжетных линий), и эмоциональный (герой неизбежно переживает эмоциональные взлеты и падения, существование эмоционально нейтрального героя художественного произведения не представляется возможным). Дискурс же юридический является его абсолютной противоположностью: он объективен, логичен, эмоционально нейтрален. Именно поэтому взаимопроникновение таких, на первый взгляд, антагонистических феноменов и предопределило актуальность предлагаемой статьи.

Анализ художественного дискурса, созданного Дж. Арчером, имеющего ярко выраженное юридическое идейно-тематическое содержание, отраженное уже в самих названиях произведений – “A Prisoner of Birth” («Узник родства») [9] и “Trial and Error” («Процесс и ошибка») [10], выявил черты структурной общности:

(1) сюжетно-фабульная линия строится вокруг заявлений главного героя о своей невиновности в результате либо сфабрикованных обвинений в убийстве (дело против Ричарда Купера [Ibidem]), либо обвинений в преднамеренном убийстве (дело Артура Картрайта [9]);

(2) сторона обвинения, руководствуясь нормами закона, настаивает в обоих случаях на признании героев виновными в преднамеренном убийстве;

(3) адвокаты по обоим делам описаны как целеустремленные, глубоко погруженные в процесс профессионалы, намеренные доказать невиновность своих клиентов.

Однако следует также отметить дифференцирующие данные произведения признаки: основное отличие здесь заключается в эмоционально «перегруженной» речи адресантов, в предложенной писателем форме повествовательной по тону репрезентации отрезков юридического дискурса на фоне дискурса художественного, и наконец, в различной степени интенсивности проявления эмоциональности (трансформирующейся на языковом уровне в эмотивность), обнаруживаемой в интродуцируемом во фрагменты юридического дискурса корпусе лексических и синтаксических языковых средств, служащих связующими элементами между дискурсом юридическим и художественным.

Избранная автором форма изложения терминологически насыщенной информации юридической направленности от первого лица единственного числа (“Trial and Error”) неизбежно создает ярко выраженный перлокутивный эффект – повествование становится более лично ориентированным и драматичным, актуализируя категорию интертекстуальности и отсылая адресатов к эмоциям и пережитым самим писателем трудностям, которые он испытал в период собственного нахождения под следствием. Благодаря такому художественному приему удастся описать особенности мужского психотипа в целом и психоэмоциональное состояние обвиняемого в частности: *I sat on the wooden bench and tried to fathom out why I had been arrested. I couldn't believe that Jeremy would have been foolish enough to charge me with assault. When Joe arrived about forty minutes later I told him exactly what had taken place earlier in the evening. He listened gravely, but didn't offer an opinion. After Joe left, I began to fear that Jeremy might have had a heart attack, or even that the blow to his head from the corner of the table might have killed him. My imagination ran riot as I considered all the worst possibilities, and I was becoming more and more desperate to learn what had happened when the cell door swung open and two plain-clothes detectives*

walked in [10, p. 499]. / Я сидел на деревянной скамье и пытался понять, почему меня арестовали. Я не мог поверить, что Джереми был настолько глуп, что обвинил меня в покушении. Когда минут через сорок приехал Джо, я рассказал ему в точности все, что произошло тем вечером. Он мрачно выслушал меня, но не высказал никакого мнения. Когда он ушел, я начал опасаться, что у Джереми мог случиться сердечный приступ или же удар головой об угол стола мог убить его. Я дал волю своему воображению, представляя самые неблагоприятные обстоятельства, и все больше хотел узнать, что же все-таки произошло, когда дверь камеры отворилась и вошли двое полицейских (здесь и далее перевод автора статьи – А. Д.). Сталкиваясь с чем-то неожиданным и выходящим за пределы зоны психологического и рационального комфорта (эксплицируется метафорой *to fathom out, my imagination ran riot*), герой сначала поражен и обескуражен (выражается эпитетом, формирующим восходящую градацию, – *more and more desperate*), но затем, адаптируясь к сложившейся юридически запутанной ситуации, находит логически обоснованные и разумные способы выхода из сложившихся суровых обстоятельств благодаря природной внутренней способности подчинять эмоции ментальной деятельности.

Участники судебных разбирательств, отраженных в дискурсе Дж. Арчера (обвиняемый, свидетели, прокурор, адвокат и председательствующий судья), также проявляют различную степень эмоциональности, что предполагает разнообразный лексический и синтаксический выбор стилистически маркированных языковых единиц различных уровней (например, эпитеты, метафоры, риторические вопросы, вопросы в повествовании, синкопирование синтаксической структуры сложного синтаксического целого). С точки зрения прагматики интродукция данных элементов также способствует дифференциации участников коммуникативного процесса: для обвиняемого и адвоката используемые стилистические тропы (эпитеты, риторические вопросы, вопросы в повествовании) являются средством оказания большего влияния на психоэмоциональную сферу присяжных, способствуя пробуждению в них сочувствия к обвиняемому и, как результат, снятию с него обвинений; для прокурора, напротив, стилистические средства выступают средством особого акцентирования вины подозреваемого (анафоры, синкопированные синтаксические структуры, парцелированный синтаксис), что в итоге может помочь обвинителю поместить подозреваемого за решетку.

Анализ включений юридического дискурса в дискурс художественный, проведенный с учетом признака степени реализуемой в контексте эмоциональности описываемых конситуаций в романе “A Prisoner of Birth” и рассказе “Trial and Error”, а также эмотивности интродуцируемых языковых единиц, показал, что наиболее часто адвокаты (реже – прокуроры и обвиняемые, крайне редко – судьи) используют средства лексического уровня (эпитеты, метафоры) наряду со средствами синтаксического уровня (риторические вопросы, вопросы в повествовании, эпифоры, синкопирование синтаксической структуры сложного синтаксического целого).

Именно синкопированный синтаксис, предполагающий быструю смену последовательности распространенных сложных предложений эллиптически короткими, обрывистыми структурами, создает эффект неподготовленной, спонтанной речи, что неизбежно заставляет присяжных и свидетелей внимательно следить за ходом происходящего в зале суда и не дает последним возможности исказить правду и создать прецедент лжесвидетельства: “So you didn’t ever see each other when your husband was away from Leeds, or even out of the country, on business?”; “Are you certain that those were the times you saw him, Mrs. Cooper? Were there not other occasions when you spent a considerable amount of time alone with Mr. Alexander? For example, on the night of 17 September 1989, before your husband returned unexpectedly from a European trip: did Mr. Alexander not visit you then for several hours while you were alone in the house?” [Ibidem, p. 504]. / «Итак, вы не встречались, когда Ваш муж уезжал из Лидса или страны по вопросам бизнеса?»; «Вы уверены, что именно тогда виделись с ним, г-жа Купер? Разве не было других случаев, когда Вы проводили длительное время наедине с г-ном Александром? Например, вечером 17 сентября 1989 года, прежде чем Ваш муж неожиданно вернулся из поездки по Европе: разве г-н Александр не находился у Вас в течение нескольких часов, когда в доме не было никого, кроме Вас?». Распространенные вопросительные предложения (“So you didn’t ever see each other when your husband was away from Leeds, or even out of the country, on business?”; “Are you certain that those were the times you saw him, Mrs. Cooper?”) резко сменяются риторическим вопросом и вопросом в повествовании, что помещает допрашиваемого в эмоционально неловкую, неудобную и непредсказуемую психологическую конситуацию, которая способна заставить свидетеля сделать признание и не утаивать правду от суда (“Were there not other occasions when you spent a considerable amount of time alone with Mr. Alexander? For example, on the night of 17 September 1989, before your husband returned unexpectedly from a European trip: did Mr. Alexander not visit you then for several hours while you were alone in the house?”). Такое стилистическое оформление речи позволяет стороне обвинения в самом начале судебного разбирательства имплицитно указать на объем и весомость собранных доказательств и на тщетность каких-либо попыток свидетелей или обвиняемого фальсифицировать обстоятельства дела.

Если же обвиняемый оказывается эмоционально и психологически устойчивым к подобного рода прагматическим воздействиям и достаточно изобретательным в сочинении лживых показаний, комплекс эллиптических структур, резко обрывающих последовательность, образованную сложными предложениями, ставит его в неловкое положение, в котором его разум проигрывает эмоциональности. Это становится возможным благодаря явному нарушению четкости тема-рематического членения, которое свойственно сложным предложениям: “Really, Sir Matthew!” The judge was unable to disguise his irritation. “I must ask once again if this is relevant?” Sir Matthew exploded. “Relevant? It is absolutely vital, M’Lud, and I am not being assisted by your lordship’s thinly veiled attempts to intervene on behalf of this witness” [Ibidem, p. 505]. / «Действительно, сэръ Мэтью!». Судья не мог скрыть раздражения. «Я должен снова спросить, является ли это важным?». Сэр Мэтью не сдержался. «Важным? Это жизненно важно, г-н Луд, и мне совсем не помогают Ваши плохо замаскированные попытки вмешаться в дело и навредить свидетелю». Вводимое эллиптическое

предложение (*Relevant?*) актуализирует рематическое содержание придаточной части сложноподчиненного предложения, еще интенсивнее актуализируя важность описываемых событий.

Прокуроры, изображенные Дж. Арчером, наиболее часто используют эпитеты и эпитеты, стремясь акцентировать информацию, формирующую рематическое содержание продуцируемого высказывания. Их речь также изобилует логически выстроенными и структурно-осложненными, распространенными сложными предложениями, в содержательном плане являющимися элементами литературного стиля: *"If it please your lordship," he began in a low, ponderous manner, "I appear for the Crown in this case, while my learned friend" – he glanced to check the name on the sheet of paper in front of him – "Mr. Alex Redmayne, appears for the defence. The case before your lordship is one of murder. The cold-blooded and calculated murder of Mr. Bernard Henry Wilson"* [9, p. 13]. / «Если Ваша честь позволит», – начал он низким и тягучим голосом, – «я выступаю обвинителем по этом делу, а мой ученый коллега» – он проверил имя на бумаге перед собой – «г-н Алекс Рэдмэйн выступает со стороны защиты. Перед Вами, Ваша светлость, дело об убийстве. Хладнокровном и преднамеренном убийстве г-на Бернарда Хенри Вилсона». Такой прием выделяет данных участников судебного процесса на фоне всех остальных: их речь за счет смысловой и структурной «нагруженности» продуцируется медленно, создавая эффект особой процессуальной важности произносимых слов, а отправители текста воспринимаются публикой как полные достоинства и профессионализма специалисты, абсолютно уверенные в качестве и достоверности приводимых доказательств и улики.

Подводя итог сказанному, следует отметить, что юридический дискурс, включенный в структуру и содержание дискурса художественного, представляет собой формализованный феномен, допускающий стилистические девиации от общепринятых, нормативно предписанных стандартов оформления. Стилистические средства лексического и синтаксического уровней языка (эпитеты, метафоры, риторические вопросы, вопросы в повествовании, эпитеты, синкопирование синтаксической структуры сложного синтаксического целого), проникая из художественного дискурса, создают несвойственную юридическому дискурсу экспрессивность и эмоциональность, что в значительной степени усиливает прагматику речи всех участников судебного процесса и помогает им достичь желаемых результатов в максимально короткие сроки. Более того, как показал анализ дискурса Дж. Арчера, степень интенсивности использования данных стилистических фигур находится в прямой корреляции с должностным рангом участников процесса: чем большим юридическим статусом и полномочиями обладает участник судебного разбирательства, тем ниже частотность использования им стилистических приемов в речи.

Список литературы

1. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1999. 896 с.
2. Борботько В. Г. Принципы формирования дискурса: от психолингвистики к лингвосинергетике. М.: КомКнига, 2007. 288 с.
3. Караулов Ю. Н., Петров В. В. От грамматики текста к когнитивной теории дискурса // Дейк Т. А. ван. Язык. Познание. Коммуникация. М.: Прогресс, 1989. С. 5-11.
4. Косоногова О. В. Характеристики юридического дискурса: границы, содержание, параметры // Историческая и социально-образовательная мысль. 2015. Т. 7. № 1. С. 61-68.
5. Кубрякова Е. С. О термине «дискурс» и стоящей за ним структуре знания // Язык. Личность. Текст: сб. ст. к 70-летию Т. М. Николаевой. М.: Языки славянской культуры, 2005. С. 23-33.
6. Макаров М. Л. Основы теории дискурса. М.: ИТДГК «Гнозис», 2003. 280 с.
7. Серно П. Русский язык и анализ советского политического дискурса: анализ номинализации // Квадратура смысла: французская школа анализа дискурса / пер. с фр. и португ. М.: Прогресс, 1999. С. 337-383.
8. Филлипс Л., Йоргенсен М. В. Дискурс-анализ: теория и метод / пер. с англ. Харьков: Гуманитарный центр, 2004. 336 с.
9. Archer J. A Prisoner of Birth. N. Y.: St. Martin's Press, 2008. 501 p.
10. Archer J. Trial and Error // Archer J. Collected Short Stories. L.: HarperCollins Publishers, 1999. P. 483-549.
11. Benveniste E. Problemes de linguistique general. P.: Gallimard, 1966. 356 p.

ON THE INTERRELATION OF LITERARY AND LEGAL DISCOURSES: THE STYLISTIC ASPECT (BY THE MATERIAL OF WORKS BY JEFFREY ARCHER "THE PRISONER OF BIRTH", "TRIAL AND ERROR")

Dzyubenko Anna Igorevna, Ph. D. in Philology, Associate Professor
Zyubina Irina Anatol'evna, Ph. D. in Philology, Associate Professor
Southern Federal University
dzyubenkoanna@gmail.com; irinazyubina@gmail.com

The article considers the analysis of interaction of two types of discourse – literary and legal – by the example of works of the contemporary British writer Jeffrey Archer, and their correlation peculiarities are described. The authors establish the interaction points of these discourse types, the roles of which are played by stylistic methods of the lexical and syntactical level of language. It conditions the emotive transformation of regulated and emotionally restrained legal discourse in the phenomenon, marked on the basis of this feature.

Key words and phrases: discourse; concept-centred and stylistic originality; intertextuality; perlocutionary effect; addresser; emotivity; metaphor; epithet; syncopation of syntactic structures.